

П. А. Бакунин

Основы веры и знания

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. А. Бакунин**
Основы веры и знания / П. А. Бакунин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 414 с.

ISBN 978-5-458-14639-5

В книге "Основы веры и знания" нашли отражение основные философские идеи Павла Александровича Бакунина В ней он рассматривает Абсолютный дух как творческий принцип, цель и смысл действительности, которая диалектически проявляется в истории и как «инобытие» Абсолюта.

ISBN 978-5-458-14639-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТО ТАКОЕ ВѢРА?

Если о какой нибудь эссенціи говорятъ, что она выдохлась, то этимъ выражаютъ, что она уже ни на что не годится, что её слѣдуетъ выбросить.

Подобнымъ образомъ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ извѣрился, то этимъ означаютъ, что въ немъ пропала всякая вѣра, что поѣтому — ни вѣрить ему, ни полагаться на него ни въ чемъ невозможно; такъ какъ, не имѣя въ себѣ никакой вѣры, онъ и самъ себѣ не вѣритъ и ни въ чемъ не можетъ на себя положиться.

Вѣрить — значитъ имѣть въ себѣ твердый принципъ, или собственное начало своего бытія, которымъ весь порядокъ существованія опредѣляется независимо отъ внѣшней среды и вещей ея.

Не вѣрить — значитъ не имѣть въ себѣ принципа своего, или собственнаго начала бытія, и потому, опредѣляясь не изъ себя самого, но изъ внѣшней среды, быть вещью между другими вещами и подчиняться господству и опредѣленію внѣшнихъ вещей.

Въ себѣ извѣрившійся человѣкъ не признаетъ ни за собой, ни за другими никакой сущности, никакой дѣйствительности; все сдается ему несущественнымъ, совершенно пустымъ или призрачнымъ бытіемъ; и онъ самъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ своихъ, всею цѣлостью своей жизни, проходя и исчезая совершенно пустымъ призракомъ, объять со всѣхъ сторонъ себѣ подобными призраками, безъ всякой сущности, и не имѣетъ силы ни отвратить отъ себя, ни

отстраниться самъ отъ ихъ дѣлкихъ и обманчивыхъ навожденій.

Не только индивиды, но случается, что и цѣлое общество утрачиваетъ вѣру свою; и тогда оно, не находя въ себѣ силы утверждать собою самобытный порядокъ своего общественнаго существованія, подчиняется всякому давленію внѣшней среды. Объ обществѣ, утратившемъ вѣру свою, можно съ равнымъ правомъ сказать, что оно извѣрилось, — и уже не имѣя никакой дѣйствительности ни въ своей жизни, ни въ своихъ общественныхъ отправленіяхъ, не живетъ, а только попусту теряется и безъисходно пропадаетъ между пустыми призраками и кошмарными навожденіями своей мнимой общечности.

Вѣрить — значитъ утверждать самымъ существомъ своимъ какъ самое значеніе, такъ и порядокъ своего существованія; чтобъ утверждать собою какое либо значеніе, какой либо порядокъ, — необходимо быть твердымъ въ себѣ самомъ; иначе, никакое утвержденіе, невозможно: такъ какъ, безъ твердости въ себѣ, все собою утверждаемое оказывается по необходимости не твердымъ, а шаткимъ, — не утвержденіемъ, а только колебаніемъ и сомнѣніемъ; — не жизнью, которая въ своей дѣйствительности есть всегда несомнѣнное утвержденіе, — а только отрицаніемъ или пріостановкою и замираніемъ всякой жизни.

Всякая жизнь есть жизнь лишь на сколько она есть сама собою и стоитъ на той истинѣ, въ которую вѣрить; когда же она утрачиваетъ вѣру свою, ей уже не на чемъ стоять въ себѣ, — и она вынуждена опираться о что либо другое; вслѣдствіе чего она перестаетъ быть сама собою, перестаетъ быть жизнью и неминуемо пропадаетъ.

Безъ вѣры, безъ незыблемой увѣренности въ себѣ самой, жизнь не можетъ быть дѣйствительною жизнью, но обращается въ мнимую жизнь, въ пустой призракъ, или личину жизни, въ которыхъ нѣтъ жизненнаго

содержанія. Но затѣмъ, самъ собою возникаетъ вопросъ,—что же такое вѣра, безъ которой и самая жизнь есть не жизнь, а только призракъ жизни?

То, что называется вѣрою, извѣстно лишь по внѣшнимъ признакамъ и проявленіямъ; но чтобы сказать, что такое вѣра, требуется знать, что она такое по самому существу, что она такое по ея смыслу.

Во всякаго рода вещахъ существенно различаются ихъ двѣ стороны: одна, которая очень замѣтна, всѣмъ открыта и, такъ сказать, сама всѣмъ въ глаза бросается, составляетъ ихъ внѣшнюю поверхность, ихъ чувственнымъ образомъ видимую матерію. Другая, напротивъ, сокрыта отъ взоровъ и, какъ самый смыслъ или самая сущность видимыхъ вещей, глубоко таится внутри: чтобы проникнуть въ эту глубь и познать самый смыслъ того, что видимо, требуется столь же глубокое вниманіе, безъ котораго приходится довольствоваться лишь внѣшнею оболочкою, или чувственною матеріею вещей.

Такъ какъ, говорить о вещахъ по существу очень трудно, то, говоря о нихъ, толкуютъ обыкновенно не о ихъ существѣ и смыслѣ, а только о томъ другомъ содержаніи, которымъ онѣ снаружи ограничиваются и опредѣляются, которое есть ихъ видимая, внѣшняя матерія.

Такимъ образомъ, когда вопрошаютъ, что такое истина, то вмѣсто того, чтобы говорить о ея существѣ, обыкновенно довольствуются указаніемъ на то, что не есть истина, и распространяются о безчисленныхъ видахъ и образахъ, какими проявляются ложь и заблужденія.

Когда вопрошаютъ о сущности добра, то въ отвѣтъ возникаютъ неистощимые толки о всевозможныхъ проявленіяхъ зла: потому что виды и образы зла представляются чрезвычайно обильнымъ и очень разнообразнымъ содержаніемъ, котораго всюду и всегда очень много; такъ что о немъ и можно сказать очень много и всего никогда не высказать. А добро, напротивъ, едино по существу, — его много нигдѣ не бываетъ, содержаніе его — не обильно; къ тому же оно очень однообразно и

такъ не замѣтно, что о немъ самомъ, о его сущности, кажется, и сказать нечего.

Такъ точно и по отношенію къ тому, *что* есть прекрасное, разговориться очень трудно: восхищаясь красотою, плѣняясь благообразіемъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ восклицаніямъ, а истощивъ весь запасъ восклицаній, продолжаютъ любоваться молча. Потому что толковать о существѣ прекраснаго, если и не напрасно, а быть можетъ, и очень поучительно, но во всякомъ случаѣ — очень скучно; такъ какъ всякій, кто толкуетъ объ этомъ, вынужденъ повторяться. Являясь всюду и всегда неизмѣнно сообразнымъ само съ собою, какъ постоянное одно и то же, прекрасное въ существѣ своемъ до того просто, что его великая простота, по сравненію съ измѣнчивымъ разнообразіемъ ежедневнаго содержанія жизни, отзывается какъ будто пустотою, о которой много сказать, разумѣется, нечего.

Напротивъ, о безобразіяхъ всякаго рода и вида, во всѣхъ образахъ и сферахъ бытія достаточно наговориться никогда нельзя: такъ ихъ всегда и всюду много, до того они неисчерпаемо разнообразны, что конца толкамъ и разговорамъ о нихъ почти не предвидится; всякій способенъ сказать о нихъ что нибудь свое, новое; и по всей вѣроятности о нихъ можно будетъ говорить, бесѣдовать и раскрывать свои воззрѣнія до скончанія свѣта.

Красота, добро, истина, выражая собою самый смыслъ бытія, или его сущность и дѣйствительность, пребываютъ невидимыми, незамѣтными, никому не бьютъ въ глаза, никого не поражаютъ; ихъ нужно умѣть увидѣть. Но зато тѣмъ виднѣе, замѣтнѣе и поразительнѣе бываетъ все то другое содержаніе, въ которомъ нѣтъ ни истины, ни добра, ни красоты, т. е. нѣтъ ни сущности, ни дѣйствительности, ни смысла, а только призраки и наводненія всякаго рода лжи и заблужденія, всякаго рода зла и насилія, всякаго рода пошлости и безобразія, — вообще всякаго безсмысла мнимаго бытія.

Точно такимъ образомъ и по той же причинѣ,

когда вопрошаютъ о существѣ вѣры, въ умѣ сами собою возникаютъ представленія о томъ, что именно и не есть вѣра; и говорится или о суевѣріи, или о невѣріи.

И хотя по здоровой логикѣ, довольно странно и даже ни съ чѣмъ несообразно, имѣя въ виду одно, начинать рѣчь о другомъ, однако по установившемся складу ума и мысли, инаго пути не видно и, оставаясь въ предѣлахъ понятности, нельзя входить въ самый предметъ обсуждения иначе, какъ приступая къ нему со стороны, черезъ другое, для него вполне чуждое содержаніе.

Говорить понятно о самой сущности вѣры было бы не только затруднительно, но едва-ли и возможно безъ предварительнаго обсуждения ей посторонняго содержанія, которое, составляя ея предѣлы, даетъ ей по крайней мѣрѣ ея внѣшнее опредѣленіе.

И потому, на вопросъ, что такое вѣра, — въ ея субъективномъ образѣ и въ ея объективномъ содержаніи, — изслѣдованіе должно по необходимости начинаться съ обсуждения того, что именно есть не вѣра, а только предѣлы ея, только суевѣріе и невѣріе.

Въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣры, вѣрить — значитъ утверждать всѣмъ существомъ своимъ то, что признается за дѣйствительную и несомнѣнную истину.

Но между самою истиною и тѣмъ, что мнѣніемъ принимается и выдается за истину, вмѣсто полнаго совпаденія, очень нерѣдко бываетъ не только вѣкоторое малое или большее различіе, но и полнѣйшая несовмѣстность.

Вслѣдствіе этого, вмѣсто дѣйствительной истины очень нерѣдко утверждается только мнимая истина: такое утвержденіе, облекаясь въ образъ и присвоивая себѣ все значеніе вѣры, становится не дѣйствительною, а только мнимою вѣрою, или тѣмъ, что обыкновенно и называется суевѣріемъ.

Извѣдавъ опытомъ, какъ часто мнимая истина при-

знается и выдается за сущую, или дѣйствительную истину, и какъ легко суевѣріе заступаеъ мѣсто дѣйствительной вѣры, сознаніе, вооружась осторожнымъ недоувѣріемъ по отношенію къ такого рода утвержденіямъ, переходитъ очень нерѣдко къ полному сомнѣнію и совершенному отрицанію всего, что бездоказательно утверждается въ силу вѣры, или суевѣрія, которыя оно, уже не различая одно отъ другаго, признаеъ одинаковымъ же заблужденіемъ, и тѣмъ самымъ обращаеъ въ тотъ опасливый и отрицательный образъ мышленія, который именуеъ невѣріемъ.

Если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто обращалъ вниманіе на различія и несовмѣстности въ существующихъ образахъ мышленія, достаточно извѣстно, который изъ нихъ разумѣеъ суевѣріемъ и который—невѣріемъ.

Развиваясь другъ противъ друга не только въ различные, но и во взаимно-противуположныя и даже враждебныя направленія, убѣжденія, ученія и міровоззрѣнія, суевѣріе и невѣріе встрѣчаютъ во всѣхъ сферахъ частной и общественной человѣческой жизни какъ отъявленные противники и ведутъ между собою нескончаемый, упорный и временами ожесточенный споръ: потому что они взаимно ненавистны другъ другу, и чѣмъ дальше они отстоятъ отъ того, что еъ дѣйствительная вѣра и ея дѣйствительная истина, тѣмъ сильнѣе возгораеъ ихъ взаимная ненависть.

Ихъ споръ ведеъ между ними издавна, во всеуслышаніе и притомъ такъ рѣзко, такъ громко, что въ настоящее время едва ли кто изъ грамотныхъ не слыхалъ и не знаетъ, что суевѣріе обвиняеъ невѣріемъ въ томъ, что въ его основаніи лежитъ предубѣжденное невѣжество, которое, затемняя умъ и самый свѣтъ мысли своею тьмою, наполняя сознаніе пустыми призраками и наводненіями всякаго рода мистицизма и обскурантизма, препятствуеъ ему познать содержаніе міра въ его истинѣ. — А съ другой стороны, невѣріе обвиняеъ

суевѣріемъ въ томъ, что оно опирается исключительно на данныя опытнаго, или научнаго ученія, которое, возбуждая въ умѣ суетную гордость, ослѣпляетъ его своимъ чрезвычайнымъ блескомъ до совершенной слѣпоты, — до того что человѣкъ, какъ несмышленный ребенокъ, видитъ только преходящія вещи, — потому что онѣ блестятъ и поражаютъ его вниманіе, — и утрачиваетъ способность видѣть и понимать не чувственную, но вѣчную и духовную сущность міра и жизни.

Указывая на неимовѣрную гордыню, которою возносится невѣріе, на его крайнюю ограниченность и жестокое ослѣпленіе, суевѣріе преисполнено сознаніемъ, что люди, пытаясь все понять и до всего дойти умомъ своимъ, забываютъ о его тѣсныхъ предѣлахъ и не видятъ, что ихъ обступаетъ со всѣхъ сторонъ необъятность невѣдомаго, которую они потому и не могутъ видѣть, что воображаютъ, будто все видятъ, — потому и не могутъ понять, что льстятъ себя самомнѣніемъ, будто уже все понимаютъ. На самомъ же дѣлѣ, они усматриваютъ своимъ ограниченнымъ умомъ только ограничennыя вещи, только чувственную матерію міра; а самая безконечность, о которой простымъ и неученымъ людямъ свидѣтельствуютъ несомнѣннымъ образомъ какъ вся совокупность міра, такъ и малѣйшая былинка въ немъ, — а все духовное и самая истина всего мірозданія ускользаютъ отъ грубыхъ приемовъ человѣческаго разсудка и недоступны ему.

Потому что, — учить суевѣріе, — безконечную и духовную истину понимать можно не умомъ, не разсудкомъ, не посредствомъ физическихъ опытовъ или логическихъ построеній и выводовъ изъ конечной матеріи, а только безконечнымъ смиреніемъ умиленнаго чувства и сердца, которое не ослѣплено мнимою ученостью, не замкнуто гордынею самомнѣнія, но съ дѣтскимъ простодушіемъ предается таинственнымъ внушеніямъ вѣры и ея святаго откровенія.

Указывая на суевѣріе и на его общеизвѣстный, все затемняющій, мистическій обскурантизмъ, невѣріе съ

своей стороны, полагая безспорнымъ, что въ основаніи суевѣрія лежитъ невѣжество, прибѣгаетъ къ старому сравненію мрака невѣжества съ мракомъ ночи и свѣта знанія съ дневнымъ свѣтомъ.

Во тьмѣ ночной, какъ всѣмъ извѣстно, въ замѣнъ дѣйствительнаго содержанія, которое не видно, обыкновенно чудятся всякаго рода чудища, навожденія и кошмары, которыхъ однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ въ дѣйствительности и которые, разступаясь какъ туманы, исчезаютъ при первыхъ лучахъ наступающаго дневнаго свѣта. Такъ точно и призраки невѣжества и навожденія обскурантизма не выдерживаютъ свѣта знанія, но, исчезая въ лучахъ его, обращаются сами собою въ ничто, когда озаряются научною критикою.

Никакая тьма невѣжества, какъ бы ни отстаивали ее сторонники обскурантизма, не въ силахъ устоять предъ критикою дѣйствительнаго знанія: она неминуемо отступаетъ предъ свѣтомъ ея и, таясь лишь въ темныхъ углахъ и закоулкахъ, куда свѣтъ еще не успѣлъ проникнуть, должна по необходимости окончательно исчезнуть и уступить свое мѣсто вседневному свѣту.

Сравненіе, конечно, не есть доказательство, и споръ не только не прекращается, но ведется лишь съ болѣею ревностью и болѣшимъ ожесточеніемъ: невѣріе упрекаетъ суевѣріе въ невѣжествѣ, а суевѣріе коритъ невѣріе въ заносчивости и въ систематическомъ ослѣпленіи: одно стоитъ другаго.

При этомъ спорѣ и при обоюдныхъ утвержденіяхъ, укорахъ и притязаніяхъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, еслибъ было доказано выше всякаго сомнѣнія, что суевѣріе, какъ увѣряютъ его противники, исходитъ отъ невѣжества, или что невѣріе, какъ утверждаютъ его противники, грѣшитъ ослѣпленіемъ, что та или другая сторона покоится не на дѣйствительномъ, а только на мнимомъ знаніи, какъ бы оное ни называлось,—невѣжествомъ или ослѣпленіемъ,—то ихъ взаимный споръ могъ бы быть разрѣшенъ и просто, и скоро.

Потому что всякій согласится, что должно сохранить тотъ образъ мышленія, который имѣетъ въ своемъ основаніи дѣйствительное знаніе; а отъ другаго, ему противоположнаго, основаннаго лишь на невѣжествѣ, или на ослѣпленіи, слѣдуетъ, напротивъ, какъ можно скорѣе и полнѣе отрѣшиться: такъ какъ, хотя и случается утверждать что либо по невѣжеству или въ силу ослѣпленія, однако никто не станетъ, да и не можетъ утверждать что либо во имя и на основаніи сознаваемого невѣжества или завѣдомаго ослѣпленія. Для всякаго мыслящаго существа, безразлично къ такому или иному образу его мышленія, во сколько желательно дѣйствительное знаніе, во столько же нежелательно невѣжество и ослѣпленіе, которыя ведутъ всякаго не къ истинѣ, а только къ обману.

По отношенію къ желательности дѣйствительнаго знанія существуетъ полное согласіе и никакого спора не можетъ быть; и потому, казалось бы, спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ разрѣшается очень легко.

Но дѣло далеко не такъ просто, какъ оно на первый взглядъ кажется. Оно затрудняется тѣмъ, что ни одна изъ сторонъ не признаетъ самоё себя ни суевѣріемъ, ни систематическимъ невѣріемъ; и та, и другая лишь такъ обзываются ихъ противниками. Указывая на ослѣпленіе, которымъ поражено невѣріе, само суевѣріе нисколько не сознаетъ и не признаетъ за собою приписываемаго ему невѣжества; равнымъ образомъ и невѣріе, указывая на невѣжество, которымъ объято суевѣріе, нисколько не признаетъ и не сознаетъ за собою ему приписываемаго ослѣпленія.

Еслибъ невѣжественные или ослѣпленные сами сознавали свое невѣжество или свое ослѣпленіе, тогда бы не было и не могло бы быть ни невѣжества, ни ослѣпленія.

Какъ суевѣріе, такъ и невѣріе вполне увѣрены — каждое про себя, — что имъ исключительно обладаетя и хранится дѣйствительное знаніе: то-же, что выдается за зна-

ніе ихъ противниками, считается съ обѣихъ сторонъ вовсе не дѣйствительнымъ, а только мнимымъ знаніемъ. Говоря о невѣріи, суевѣріе утверждаетъ, что оно, зная лишь внѣшнее и матеріальное содержаніе чувственныхъ вещей, не вѣдаетъ и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что всего важнѣе и существеннѣе знать, и безъ чего все остальное не имѣетъ никакой цѣны. Говоря о суевѣріи, невѣріе утверждаетъ о немъ, что оно по своему невѣжеству именно и не въ состояніи различить мнимое знаніе отъ знанія дѣйствительнаго и, смѣшивая ихъ, постоянно принимаетъ и выдаетъ одно за другое.

Черезъ это спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ переносится самъ собою на другую почву и становится вопросомъ о знаніи, причемъ остается лишь рѣшить, какимъ образомъ или какими признаками можно различить мнимое знаніе, или невѣжество, отъ знанія дѣйствительнаго.

Формальнымъ образомъ различіе между тѣмъ и другимъ опредѣляется очень просто: никакого спора не можетъ быть въ томъ, что дѣйствительнымъ знаніемъ признается лишь знаніе самой истины, а мнимымъ знаніемъ должно считать лишь пустое, ничѣмъ неоправдываемое, и ни на чемъ неоснованное мнѣніе, которое признаетъ и выдаетъ за самую истину лишь мнимую истину, состоящую изъ разныхъ, случайно установившихся предразсудковъ, заблужденій и всякаго рода невѣрныхъ представленій.

Но такимъ формальнымъ опредѣленіемъ вопросъ и сомнѣніе о томъ, что слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ и что мнимымъ знаніемъ, очевидно, нисколько не разрѣшается. Такъ какъ дѣйствительное знаніе только для того и требуется, чтобъ быть въ состояніи отличить истину отъ заблужденія, которое въ томъ именно и состоитъ, что при немъ истина, не различаясь отъ заблужденія, сама признается и выдается за заблужденіе.

И какъ ссылка на предполагаемое извѣстнымъ раз-